https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0758-8-204-216
https://elibrary.ru/FNJZYT

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND

Научная статья / Research Article
УДК 82.091 + 821.054.7.0

© 2024 г. *А.Е. Агратин*

Проблема идентичности героя в «постусадебном» мире: «Заповедник» С.Д. Довлатова[1]

Аннотация: Изображенный мир повести С.Д. Довлатова «Заповедник» (1983) условно распадается на два сегмента: музей-усадьбу, с одной стороны, и область за его пределами — с другой. Последняя обнажает непредсказуемость и неупорядоченность бытия, первый обеспечивает порядок в жизни персонажа. В заповеднике Алиханову можно не углубляться в себя — достаточно «механически исполнять свою роль» и благодаря подобной «редукции» самости сохранять относительное спокойствие. Музей-усадьба — пространство безответственности, спектакля, ни к чему не обязывающего слова. Персонажу комфортно в заповеднике: любые столкновения с его обитателями и гостями происходят на уровне речевой деятельности. Слово запутывает героя, «растворяет» в себе его самость. Музей-усадьба для героя — метонимия всей русскоязычной культуры, границы которой он боится пересекать, потому что низводит собственное «я» до речевой деятельности («На чужом языке мы теряем восемьдесят процентов своей личности»). Повесть «Заповедник» показывает, как «усадебный топос» в литературе XX в. претерпевает фундаментальные изменения: из аксиологически значимого феномена музей-усадьба трансформируется в «продукт» дискурса, не предоставляющий персонажу надежных ресурсов самоидентификации.

Ключевые слова: С.Д. Довлатов, музей-усадьба, «усадебный топос», идентичность, самость, миф, дискурс.

Информация об авторе: Андрей Евгеньевич Агратин — кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и исторической поэтики, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская пл., д. 6, 125047 ГСП-3, г. Москва, Россия; старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-4993-7289
E-mail: andrej-agratin@mail.ru

Для цитирования: *Агратин А.Е.* Проблема идентичности героя в постусадебном мире: «Заповедник» С.Д. Довлатова // Усадьба и дача в литерату-

---

[1] Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051, https://rscf.ru/project/22-18-00051/

ре советской эпохи: потери и обретения: коллективная монография / сост. О.А. Богданова; отв. ред. В.Г. Андреева, О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 204–216. (Серия: «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 8). https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0758-8-204-216

© 2024. *Andrey E. Agratin*

The Problem of Character's Identity in the "Post-Estate" World: S.D. Dovlatov's "Reserve"[2]

Abstract: The fictional world of S.D. Dovlatov's "Reserve" (1983) is conditionally divided into two segments: the museum-estate, on the one hand, and the area outside it, on the other hand. The latter exposes the unpredictability and disorderliness of existence, the former provides order in the character's life. In the reserve, Alikhanov does not have to delve into himself — it is enough to "mechanically fulfill his role" and, thanks to this "reduction" of selfhood, maintain relative calm. The museum-estate is a space of irresponsibility, of performance, of the word without obligation. The character is comfortable in the reserve: any encounters with its inhabitants and guests take place at the level of speech activity. The word confuses the hero, "dissolves" his identity. For the hero, the museum-estate is a metonymy of the entire Russian-speaking culture, the borders of which he is afraid to cross, because he reduces his own self to speech activity ("In a foreign language we lose eighty percent of our personality"). Dovlatov's "Reserve" shows how the "estate topos" undergoes fundamental changes in 20th century literature: from an axiologically significant phenomenon, the estate is transformed into a "product" of discourse that does not provide the character with reliable resources of self-identification.

Keywords: S.D. Dovlatov, Museum-estate, "Estate Topos", Identity, Self, Myth, Discourse.

Information about the author: Andrey E. Agratin — PhD in Philology, Associate Professor, the Department of Theoretical and Historical Poetics, Russian State University for the Humanities, Miusskaya Sq. 6, 125047 GSP-3, Moscow, Russia; Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science, Povarskaya St. 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-4993-7289
E-mail: andrej-agratin@mail.ru

For citation: Agratin, A.E. The Problem of Character's Identity in the "Post-Estate" World: S.D. Dovlatov's "Reserve". *Estate and Dacha in the Literature of the Soviet Era: Losses and Gains: A Collective Monograph*, comp. by O.A. Bogdanova, ex. ed. V.G. Andreeva, O.A. Bogdanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 204–216. (Series: "Russian Estate in a Global Context", issue 8). (In Russ.) https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0758-8-204-216

---

[2] This study was carried out at IWL RAS with a grant from the Russian Science Foundation (project No. 22-18-00051), https://rscf.ru/project/22-18-00051/

Довлатовский герой рассматривается в двух аспектах. Первый — соотношение фигур автора и персонажа в произведениях писателя. Сюда относятся исследования, посвященные вопросам псевдодокументализма, автобиографичности и автопсихологизма у С.Д. Довлатова[3]. Второй аспект касается образа персонажа-рассказчика, переходящего из одного текста в другой (И.Н. Сухих даже именует его «лирическим героем»[4]). И здесь сформировалась устойчивая интерпретация, согласно которой писатель «возрождает» классический для русской литературы тип лишнего человека. По замечанию А.А. Арьева, «в рассказах Довлатова “лишний человек” проснулся от столетней летаргии и явил миру свое заспанное, но симпатичное лицо»[5]. Можно добавить, что указанный тип предстает перед читателем не в традиционном (аристократическом, онегинско-печоринском) варианте, а как маргинал, аутсайдер, избегающий «слишком серьезного отношения к себе»[6], обладающий заниженной самооценкой. С таким персонажем легко ассоциирует себя «средний» читатель, который, подобно Алиханову — Довлатову — Долматову[7], каждый день сталкивается с абсурдом и не испытывает ни малейшей уверенности в своих действиях.

Признавая несомненную правомерность изложенного толкования, отметим, что оно не исчерпывает всего своеобразия довлатовского героя. В настоящей статье предпринимается попытка расширить представление о занимающем нас феномене путем обновления методологического инструментария, применяемого в отношении творчества писателя. В этой связи уместным будет обратиться к категории идентичности, относительно недавно вошедшей в литературоведческий обиход[8]. Впервые она возникает в философских трактатах XVII–XVIII вв.[9], однако осознаваемой

---

[3] См.: *Генис А.А.* Довлатов и окрестности. М.: Вагриус, 1999. 301 с.; *Арьев А.* Наша маленькая жизнь // *Довлатов С.Д.* Собр. прозы: в 4 т. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2017. Т. 1. С. 5–30; *Поливанов А.А.* «Псевдодокументализм» в русской неподцензурной прозе 1970–1980-х годов: Вен. Ерофеев, С.Д. Довлатов, Э.В. Лимонов: дис. … канд. филол. наук. М., 2010. 204 с.; и мн. др.

[4] *Сухих И.Н.* Сергей Довлатов: место, время, судьба. СПб.: Азбука, 2010. С. 56.

[5] *Арьев А.А.* Наша маленькая жизнь. С. 17.

[6] *Семкин А.Д.* Чехов. Зощенко. Довлатов: в поисках героя. СПб.: Островитянин, 2014. С. 319.

[7] Алиханов, Долматов — автобиографические герои в ряде произведений С.Д. Довлатова.

[8] См.: *Агратин А.Е.* Идентичность нарративная // Тезаурус исторической нарратологии (на материале русской литературы): экспериментальный словарь. М.: Эдитус, 2022. С. 209–213.

[9] См.: *Рикёр П.* Я-сам как другой. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2008. С. 155–160.

единицей научного дискурса становится в 1950-х гг. Речь идет прежде всего об исследованиях Э. Эриксона[10]. Под идентичностью американский психолог понимал осмысление субъектом целостности и единственности своего «я», а также причисление себя к той или иной социальной группе. Важный импульс дальнейшему осмыслению понятия идентичности придали исследования, посвященные проблеме наррации. По утверждению французского философа П. Рикёра, «о единстве конкретной жизни» можно судить лишь «под знаком повествований, которые учат с помощью рассказа соединять прошлое и будущее»[11]. Именно здесь, в плоскости нарратологического анализа, выходит на передний план соотношение характера и самости (латиноязычная оппозиция *idem* — *ipse*, по Рикёру[12]).

Характер — «социальная роль», исполняемая героем, «публичный» модус его существования. Изнутри собственного сознания субъект не в состоянии увидеть себя целиком — это прерогатива «другого», только ему доступен экстериорный, завершающий взгляд на «меня». Характер и есть результат подобного наблюдения извне. Он представляет собой «такую форму взаимоотношения героя и автора, которая осуществляет задание создать целое героя»[13]. В то же время «другой» никогда не сможет занять «моего» места в бытии, стать «мной», в чем заключается очевидный недостаток его видения относительно избытка «моего» самосознания. Поэтому характер в литературе («я-для-других») неизбежно породил «изнаночное», потаенное «я-для-себя» персонажа («приватный» модус существования), которое является продуктом его внутренней самоактуализации (а не внешней, «объективной» оценки) и может именоваться самостью. Не случайно В.И. Тюпа разграничивает две стороны литературного персонажа — характер и личность: «Личность <…> есть продукт ответственной самоактуализации человеческого “я”. Характер же формируется в ходе социальной адаптации личности к внешним обстоятельствам и нормам, к окружающим ее лицам»[14].

Как мы увидим далее, такое различение весьма актуально для прозы Довлатова. Его персонаж все время колеблется между взглядом на себя со стороны и собственным взглядом на себя. В «Заповеднике» данный конфликт максимально заострен. С точки зрения бывшей жены, Алиханов — неудачливый писатель, мнящий себя гением, алкоголик, жестокий

---

[10] См.: *Эриксон Э.Г.* Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта, 2006. 342 с.

[11] *Рикёр П.* Я-сам как другой. С. 197–198.

[12] Там же. С. 17.

[13] *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 160.

[14] *Тюпа В.И.* Художественность чеховского рассказа. М.: Высшая школа, 1989. С. 33.

и циничный обманщик, делающий родных несчастными. В пределах кругозора малознакомых людей он «холост, здоров, остается членом Союза журналистов», «принадлежит к симпатичному национальному меньшинству», не лишен «литературных способностей»[15]. С позиции самого Алиханова, он глубоко несчастный человек, терзающийся последними вопросами, пытающийся, но не способный разрешить фундаментальные противоречия человеческого существования, балансирующий «на грани душевного расстройства»[16]. Драматичный разрыв между «я-для-себя» и «я-для-других» комически обыгрывается в одной из начальных сцен произведения, где главный герой знакомится с девушкой-экскурсоводом:

> — ...Что с вами? Вы красный!
>
> — Уверяю вас, это только снаружи. Внутри я — конституционный демократ[17].

Для нас особенно интересно, что в анализируемой повести оппозиция самости и характера проблематизируется через обращение к музейно-усадебной топике.

Следует подчеркнуть, что работ, посвященных художественной репрезентации музейно-усадебного универсума в «Заповеднике», крайне мало. Прежде всего, назовем статью М.С. Акимовой[18], в которой исследуются способы построения мифа и антимифа об усадьбе в произведении писателя, но лишь косвенно затрагивается вопрос о природе героя, находящегося в центре этого процесса. В каком-то смысле мы продолжаем поиск, начало которому было положено автором упомянутой работы.

Пространство довлатовской повести условно распадается на два сегмента: музей-заповедник — с одной стороны, и область за его пределами — с другой. Последняя обнажает непредсказуемость и неупорядоченность бытия, первый обеспечивает относительный порядок в жизни персонажа. Так, Алиханов описывает свое существование накануне погружения в рабочие будни: «Жизнь расстилалась вокруг необозримым минным полем. Я находился в центре»[19]. Совсем иначе герой ощущает себя в новой роли:

---

[15] *Довлатов С.Д.* Заповедник: повесть // *Довлатов С.Д.* Собр. прозы: в 4 т. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2017. Т. 1. С. 401.

[16] Там же. С. 401.

[17] Там же. С. 348.

[18] *Акимова (Федосеева) М.С.* Усадебный мир и музейный миф в повести С.Д. Довлатова «Заповедник» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, № 6. С. 22–29.

[19] *Довлатов С.Д.* Заповедник: повесть. С. 356.

в его жизни появляется некое подобие смысла, отражающее стройность музейной экспозиции (она выглядела «логично и красиво»[20]), с которой новоиспеченный сотрудник заповедника знакомит туристов. Персонаж-рассказчик два раза повторяет слова о начале своей трудовой деятельности: «Наконец я отважился приступить к работе»[21], «Итак, я приступил к работе»[22]. Алиханов протокольно замечает: «Я стал водить экскурсии регулярно. Иногда по две за смену. Очевидно, мною были довольны»[23]. Скучная по своей сути экскурсионная рутина привносит какое-то рациональное однообразие в повседневность героя, смягчая невыносимое чувство одиночества и неприкаянности. Даже вопиющее невежество посетителей Михайловского и Тригорского не смущает Алиханова:

> Туристы приехали отдыхать. <…> Моя обязанность — доставить им эту радость, не слишком утомляя. Получив семь шестьдесят и трогательную запись в книге отзывов: «Мы увидели живого Пушкина благодаря экскурсоводу такому-то и его скромным знаниям...»[24]

Может показаться, что персонаж, наконец, обретает себя на просторах заповедника, благополучно примиряет «я-для-себя» и «я-для-других». Однако это не совсем (или даже совсем не) так. Прежде всего, он внутренне не солидаризируется с обитателями музея (которые «обожают Пушкина. И свою любовь к Пушкину. И любовь к своей любви»): «Господи, думаю, здесь все ненормальные. Даже те, которые считают ненормальными всех остальных...»[25]. Герой «взбесился», пытаясь отбиться от настойчивых расспросов методиста Марианны Петровны о причинах его симпатии (а вернее сказать —беззаветной преданности) к пушкинскому наследию[26]. Кроме того, на каждом шагу Алиханов иронизирует по поводу примитивности и пошлости представлений сотрудников и туристов о русском классике, например во время разговора с коллегой-экскурсоводом Авророй:

> — Нужно как следует подготовиться. Проштудировать методичку. В жизни Пушкина еще так много неисследованного... Кое-что изменилось с прошлого года...

---

[20] Там же. С. 370.
[21] Там же. С. 374.
[22] Там же. С. 375
[23] Там же. С. 384
[24] Там же.
[25] Там же. С. 363.
[26] Там же. С. 362.

— В жизни Пушкина? — удивился я[27].

Что же в таком случае привело персонажа в заповедник, и, главное, что его здесь удерживает? Желание убежать от еще большего кошмара — экзистенциальной потерянности, невозможности разобраться со своей жизнью. Проще говоря, в заповеднике можно не углубляться в себя, не встречаться с самим собой — достаточно «механически исполнять свою роль»[28] и благодаря подобной «редукции» самости сохранять относительное спокойствие: «Мои несчастья были вне поля зрения. Где-то за спиной. Пока не оглянешься — спокоен. Можно не оглядываться…»[29].

По верному наблюдению К.Г. Дочевой, Пушкин становится для Алиханова своеобразным инструментом самоопределения: образ поэта используется им «в качестве мощного энергетического средства для восстановления утраченных возможностей и собственной идентификации»[30]. Речь идет о мифологизированном Пушкине — его материальным воплощением становится музей-усадьба, «стабильная, закрытая (локальная) зона, оформленная по особым пространственным и временным законам, <…> герои перемещаются на территорию “заповедника” и используют ее в качестве платформы (острова, тамбура) для собственного восстановления»[31]. Любопытны в этом плане «двойники» персонажа-рассказчика. Так, Митрофанов — гений, обладающий феноменальной памятью и в то же время страдающий абулией[32], находит убежище именно в заповеднике, где от него требуется «яркий впечатляющий рассказ. И больше ничего»[33]. То же самое можно сказать и о провинциальном писателе-неудачнике Потоцком, который «быстро уяснил, что на земле есть две вещи, ради которых стоит жить. Это — вино и женщины. Остальное не заслуживает внимания»[34]. Персонаж «стал водить экскурсии. Причем водил неплохо», кормя незадачливых туристов легендами о могиле Пушкина, разыгрывая в общении с ними «доверительную интимность»[35]. Алиханов ведет себя аналогично (пусть и не в столь провокационной форме):

---

[27] Там же. С. 352.

[28] Там же. С. 384.

[29] Там же. С. 385.

[30] *Дочева К.Г.* Идентификация личности героя в творчестве Сергея Довлатова: дис. … канд. филол. наук. Орел, 2004. С. 167.

[31] Там же. С. 167–168.

[32] В неврологии и психиатрии — патологическое отсутствие воли.

[33] *Довлатов С.Д.* Заповедник: повесть. С. 378.

[34] Там же. С. 379.

[35] Там же. С. 381.

В следующем зале я приписал «Мнемозину» Дельвигу. Затем назвал Сергея Львовича — Сергеем Александровичем. <…> Но это были сущие пустяки. Я уж не говорю о трех сомнительных литературоведческих догадках[36].

Герой раскрывает секрет своего успеха:

Тут сказывалась, конечно, изрядная доля моего актерства. Хотя дней через пять я заучил текст экскурсии наизусть, мне ловко удавалось симулировать взволнованную импровизацию. Я искусственно заикался, как бы подыскивая формулировки, оговаривался, жестикулировал, украшая свои тщательно разработанные экспромты афоризмами Гуковского и Щеголева[37].

Музей-усадьба — пространство безответственности, спектакля, ни к чему не обязывающего слова. Причем его можно не только употреблять, но и слышать как угодно:

Пока моя группа осматривала домик няни, Виктория Альбертовна шептала:

— Вы хорошо излагаете, непринужденно... У вас какое-то свое отношение. Но иногда... Я просто в ужасе... Вы назвали Пушкина сумасшедшей обезьяной...

— Не совсем так.

— Я вас очень прошу — сдержаннее.

— Постараюсь[38].

Прозвище, полученное Пушкиным в лицейские годы[39], причудливо видоизменяется в сознании Виктории Альбертовны и рассматривается ею как обидная характеристика, данная поэту экскурсоводом.

И дело здесь не столько в беззаботной (или неосознаваемой) некомпетентности сотрудников заповедника, а в самой природе места, где пребывают персонажи, — оно принципиально симулятивно. В довлатоведении неоднократно отмечалось, что туристическая обитель, детально воссоздаваемая писателем, переполнена всевозможными подделками: начиная

---

[36] Там же. С. 376.

[37] Там же. С. 384.

[38] Там же.

[39] См.: *Лотман Ю.М.* «Смесь обезьяны с тигром» // Временник Пушкинской комиссии, 1976. Л.: Наука, 1979. С. 110–112.

от «войлочных бакенбардов» официанта[40] и заканчивая изображением Закомельского, выдаваемого директором музея за портрет Ганнибала[41]. Перед нами усадьба, которой нет, «постусадебный» универсум, по правилам которого реальность не так важна в сравнении с мифом, призванным подчинить ее себе, породив как бы новую, чаемую зрителем псевдореальность. Символически данный принцип передан в сцене разговора Алиханова с филокартистом, сверяющим раскинувшийся перед ним пейзаж с открыткой «Псковские дали»[42].

Музей — это не традиционная усадьба, а лишь высказывание о ней, дискурсивное отражение культурного феномена, ушедшего в прошлое и беззащитного перед подменами и спекуляциями, или, по меткому выражению И.Н. Сухих, «обломок прошлого в настоящем»[43]. Несмотря на всю свою иронию, подавляемое раздражение, аутсайдерство, герой-писатель достаточно легко приспосабливается к мифотворческой среде, возможно потому, что именно вербальное самовыражение позволяет ему скрыться от действительности. «…Твоя любовь к словам, безумная, нездоровая, патологическая любовь, — фальшива. Это — лишь попытка оправдания жизни, которую ты ведешь», — упрекает Татьяна мужа[44]. Алиханов пишет в надежде «возложить на литературу ответственность за свои грехи»[45]. Друг героя-рассказчика Бернович убежденно заявляет в беседе с ним: «К тридцати годам у художника должны быть решены все проблемы. За исключением одной — как писать?»[46] Очевидно, что как раз на этот вопрос персонаж давно ответил.

Вслед за А.А. Генисом исследователи творчества Довлатова рассматривают «приоритет слова над реальностью»[47] в качестве творческого кредо автора: «Слово и есть главный герой Довлатова. К приключениям слов сводится и весь сюжет его рассказов»[48]. А.Д. Семкин приходит к выводу о том, что портрет в произведениях писателя почти всегда исключительно речевой — детали внешности или очень скупы, или вовсе

---

[40] *Довлатов С.Д.* Заповедник: повесть. С. 347.

[41] Там же. С. 353.

[42] Там же. С. 360.

[43] *Сухих И.Н.* Сергей Довлатов: место, время, судьба. С. 136.

[44] *Довлатов С.Д.* Заповедник: повесть. С. 350.

[45] Там же. С. 388.

[46] Там же. С. 390.

[47] *Семкин А.Д.* «Я снова подивился неожиданному разнообразию ее лексики». О речевом портрете у Довлатова // Ученые записки Новгородского гос. ун-та. 2021. № 1 (34). С. 57.

[48] *Генис А.* На уровне простоты // Малоизвестный Довлатов: сборник. СПб.: Звезда, 1995. С. 469.

отсутствуют[49]. По мнению О.В. Богдановой и Е.А. Власовой, Довлатов тотально интертекстуален[50]. В целом не опровергая утверждений ученых, заметим, что абсолютизация слова и литературы как наивысшей формы его реализации выступает не столько стратегией самого писателя, сколько темой его произведений: между Алихановым и Довлатовым неверно было бы ставить знак равенства — патологической зависимостью от слов страдает именно герой как изображенный субъект.

Зависимость эта проявляется в том, что даже конфликтные ситуации воспринимаются персонажем сквозь призму проблемы словоупотребления. Вновь обращаясь к упомянутому выше диалогу Алиханова с Бернович, выделим ту специфическую оценку их коммуникативного взаимодействия, которую формулирует главный герой:

> Мой друг Бернович говорил:
>
> — К тридцати годам у художника должны быть решены все проблемы. За исключением одной — как писать?
>
> Я в ответ заявлял, что главные проблемы — неразрешимы. Например, конфликт отцов и детей. Противоречия между чувством и долгом...
>
> У нас возникала *терминологическая путаница* (Курсив мой. — *А.А.*)[51].

В заповеднике Алиханову комфортно, поскольку любые столкновения с его обитателями и гостями происходят на уровне речи. Такова дискуссия персонажа с Марианной Петровной касательно интерпретаций пушкинского наследия. Алиханов толкует его в интеллектуально-филологическом ракурсе. Некоторая усложненность реплик героя указывает на ироническое отношение к ним автора: персонаж, будучи не в состоянии вырваться из литературоведческой стихии, снабжает свое высказывание стереотипными приметами научного дискурса, осознавая, что собеседница вряд ли его поймет: «Что ж, слушайте. Пушкин — наш запоздалый Ренессанс. Как для Веймара — Гёте. Они приняли на себя то, что Запад усвоил в XV–XVII веках»[52] и т. п. Методист значительно проще смотрит на своего кумира: «Пушкин — наша гордость! — выговорила она. — Это не только великий поэт, но и великий гражданин…»[53]. «Перепалки» с туристами столь же безобидны, исчерпываются разговорами, т. е. заключены в такую область, где слово —

---

[49] *Семкин А.Д.* «Я снова подивился <…>». С. 58.

[50] *Богданова О.В.*, *Власова Е.А.* Интертекстуальное поле повестей Сергея Довлатова. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. 149 с.

[51] *Довлатов С.Д.* Заповедник: повесть. С. 391.

[52] Там же. С. 361.

[53] Там же. С. 362.

это и есть дело (вспомним исповедальную речь рассказчика: «Надо либо жить, либо писать. Либо слово, либо дело. Но твое дело — слово»[54]):

> Группа попалась требовательная. Активисты ДОСААФ из Торжка. Без конца задавали вопросы.
>
> — Это, — говорю, — знаменитый портрет работы Кипренского... Заказан Дельвигом... Возвышенная трактовка... Черточки романтической приукрашенности... «Себя как в зеркале я вижу...» Куплен Пушкиным у вдовы барона...
>
> — Когда? В каком году?
>
> — Я думаю, в тридцатом.
>
> — За сколько?
>
> — Какая разница! — не выдержал я[55].

Слово запутывает героя, «растворяет» в себе его самость. Весьма характерен в этом отношении диалог Алиханова с бывшей женой Татьяной:

> — Сам же говорил: «Кто начал пить, тот будет пить!»
>
> — Это не я. Это какой-то англичанин... Будь он проклят![56]

Вдвойне забавно, что персонаж не только приписывает себе чужие слова, как бы делает их своими, но еще и ошибается в источнике цитаты, называя Ги де Мопассана «каким-то англичанином». Заповедник лишь усугубляет склонность героя к подобного рода подменам — в конечном счете, они приобретают почти гротескные очертания. К примеру, описываются пьяные похождения Алиханова и Маркова: «Несколько раз мы теряли пакет с деньгами. Обнимались со вчерашним гармонистом. Были замечены всеми ответственными работниками турбазы. Как утверждает Натэлла, выдавали себя за Пушкина и Баратынского...». «Постусадебный» универсум превращается в фантасмагорическое пространство языка, из которого нет выхода: «А мы все шатались по заповеднику»[57] — открыто завершает Довлатов рассказ о приключениях героев.

Музей-усадьба для Алиханова — метонимия всей русскоязычной культуры, границы которой персонаж панически боится пересекать, потому что низводит собственное «я» до речевой деятельности. Герой спорит с супругой о переезде в Америку:

---

[54] Там же. С. 357.

[55] Там же. С. 383.

[56] Там же. С. 409.

[57] Там же. С. 430.

— …Что тебя удерживает? Эрмитаж, Нева, березы?

— Березы меня совершенно не волнуют.

— Так что же?

— Язык. На чужом языке мы теряем восемьдесят процентов своей личности. Мы утрачиваем способность шутить, иронизировать[58].

В какой-то момент персонаж словно просыпается, увидев с полной отчетливостью действительное положение дел:

Я машинально подсчитал, сколько осталось до четверга.

И вдруг почувствовал такую острую боль, такую *невыразимую словами горечь*, что даже растерялся. Я сказал:

— Таня, прости меня и не уезжай.

— Поздно, — говорит, — милый… (Курсив мой. — *А.А.*)[59]

«Невыразимая словами горечь» и есть возвращение героя к «я-для-себя» — болезненное, почти невыносимое, но не отнимающее у него надежды, промелькнувшей в телефонном разговоре с Татьяной, которая покидает страну вместе с дочкой:

Я только спросил:

— Мы еще встретимся?

— Да... Если ты нас любишь... [60]

Подведем итоги. Усадебный универсум в повести Довлатова утрачивает привычный ценностный ореол и трансформируется в «продукт» дискурса, не предоставляющий персонажу надежных ресурсов самоидентификации. Музей-усадьба оказывается для героя «Заповедника» своеобразной ловушкой, усыпляющей его бдительность, скрывающей от него экзистенциальную катастрофу, которая и определит его дальнейшую судьбу. Довлатов рисует в своей повести «постусадебный» мир, искусственный и обманчивый, — указанные характеристики актуализируются посредством фигуры героя, тщетно пытающегося отыскать свое место в бытии.

---

[58] Там же. С. 406.

[59] Там же. С. 412.

[60] Там же. С. 444.

Список литературы

Исследования

1 *Агратин А.Е.* Идентичность нарративная // Тезаурус исторической нарратологии (на материале русской литературы): экспериментальный словарь. М.: Эдитус, 2022. С. 209–213.

2 *Акимова (Федосеева) М.С.* Усадебный мир и музейный миф в повести С.Д. Довлатова «Заповедник» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, № 6. С. 22–29.

3 *Арьев А.А.* Наша маленькая жизнь // *Довлатов С.Д.* Собрание прозы: в 4 т. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. Т. 1. С. 5–30.

4 *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 9–191.

5 *Богданова О.В.*, *Власова Е.А.* Интертекстуальное поле повестей Сергея Довлатова. СПб.: Изд-во Российского гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена, 2020. 149 с.

6 *Генис А.А.* Довлатов и окрестности. М.: Вагриус, 1999. 301 с.

7 *Генис А.А.* На уровне простоты // Малоизвестный Довлатов: сб. СПб.: Звезда, 1995. С. 468–469.

8 *Дочева К.Г.* Идентификация личности героя в творчестве Сергея Довлатова: дис. … канд. филол. наук. Орел, 2004. 197 с.

9 *Лотман Ю.М.* «Смесь обезьяны с тигром» // Временник Пушкинской комиссии, 1976. Л.: Наука, 1979. С. 110–112.

10 *Поливанов А.А.* «Псевдодокументализм» в русской неподцензурной прозе 1970–1980-х годов: Вен. Ерофеев, С.Д. Довлатов, Э.В. Лимонов: дис. … канд. филол. наук. М., 2010. 204 с.

11 *Рикёр П.* Я-сам как другой. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2008. 416 с.

12 *Семкин А.Д.* «Я снова подивился неожиданному разнообразию ее лексики». О речевом портрете у Довлатова // Ученые записки Новгородского гос. ун-та. 2021. № 1 (34). С. 56–61.

13 *Семкин А.Д.* Чехов. Зощенко. Довлатов: в поисках героя. СПб.: Островитянин, 2014. 424 с.

14 *Сухих И.Н.* Сергей Довлатов: место, время, судьба. СПб.: Азбука, 2010. 288 с.

15 *Тюпа В.И.* Художественность чеховского рассказа. М.: Высшая школа, 1989. 235 с.

16 *Эриксон Э.Г.* Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта, 2006. 342 с.

Источники

17 *Довлатов С.* Заповедник: повесть // *Довлатов С.* Собрание прозы: в 4 т. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2017. Т. 1. С. 345–444.